

**VĚTNÁ MODALITA
V SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH**

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В СФЕРЕ МОДАЛЬНОСТИ

1. В сфере модальности, понимаемой в самом широком смысле, между современными литературными славянскими языками имеются значительные различия. Численность и удельный вес этих различий во многом превышает даже дивергенции, характеризующие славянские языки на уровне т. наз. структурных схем предложений. Таким образом, сравнительное, сравнительно-историческое и типологическое изучение синтаксиса славянских языков должно направляться не только на объяснение имеющегося репертуара структурных схем, но также и на конкретные реализации этих схем, наделенные уже тем или иным общим модальным статусом или же, сверх того, модифицированные еще по линии частной модальности.

В синтетических обработках синтаксиса отдельных славянских языков за последние годы было сделано относительно мало по этому поводу. Связано это, возможно, также и с тем, что порождающая и трансформационная грамматика до сих пор относилась к явлениям модальности — будто бы не системным, не языковым, а только „речевым“ — довольно пренебрежительно. Тем более следует оценить знаменательный вклад *Грамматики современного русского литературного языка* (АН СССР, 1970 г.), которая выдвинула и на материале документировала понятие синтаксической парадигмы и понятие синтаксического модуса (наклонения). Под парадигмой предложения справедливо здесь разумеется совокупность его форм, т. е. все возможные реализации данной схемы на оси синтаксического времени и наклонения. Иными словами: впервые сделана попытка систематическим, исчерпывающим образом указать, в какой конкретной модально-временной реализации может выступать та или иная схема. Понятно, что соответственные информации имеют бесценное значение особенно для нерусских синтаксистов, да вообще и для методологии перспективных исследований.

На наш взгляд, любое конкретное высказывание путем деривационных операций может быть произведено от определенного исходного построения. Во всех исходных построениях (схемах) категория предикативности имманентно заложена лишь в отвлеченном виде: их модально-временная значимость в принципе не специфицирована. Правда, на практике получается так, что эти исходные структуры молча демонстрируются на примерах с повествовательным модальным статусом, и чаще со значением настоящего времени. Нам важнее, однако, сейчас другое положение: к числу исходных структур нельзя отнести такие образования, в которых налицо та или другая совсем определенная модальная спецификация, напр. *Тебе не успеть на поезд* (модальное значение абсолютной невозможности действия), *Следует молчать* (модальное значение необходимости и одновре-

менно отвлечение от производителя признака, т. е. деагентивация). Самое понятие „исходный“ вряд ли может полностью отождествляться с понятием „немаркированный“, воспринимаясь, скорее, интуитивно; однако нет сомнения, что исходными категориями в грамматической системе можно признавать такие, как настоящее время, единственное число, именительный падеж, индикатив, повествовательный статус, аффирмация. Таким образом, можно условиться на том, что на синтаксическом уровне предложения мы будем признавать исходными такие структуры, которым свойствен общий повествовательный статус, синтаксический индикатив, аффирмация, отсутствие частной (= субъективной) модальной окраски. Думается, что понятие синтаксической деривации является перспективным и что оно могло бы пролить свет на ряд фактов, связанных с иерархизацией типов предложений, с ее методологической логичностью и стройностью.

Итак, от исходных структур получаются производные реализации не только по линии общей (= обязательной, конститутивной, объективной) модальности (вопросительные, побудительные, оптативные высказывания), но также и по линии частной (= факультативной, субъективной) модальности, которая, будучи уже менее грамматичной, все-таки очень важна с угла зрения коммуникативных потребностей. Распадается она, в свою очередь, в два семантических поля: а) значение волеизъявления, необходимости, возможности, и б) значение персуазивности, т. е. достоверности сообщаемого, уверенности в его реальности. Необходимо подчеркнуть, что модальные реализации, особенно на уровне конститутивного модального статуса, тоже обладают своими абстрактными моделями в системе языка, наслаивающимися, конечно, на исходные структурные схемы. В научной литературе они до сих пор подвергались дискриминации. Взять, например, область безличных предложений, обозначающих природные явления. Как правило, они всегда объяснялись и иллюстрировались только в своем основном, исходном виде, т. е. в качестве повествовательных высказываний, никак не окрашенных и частно-модальным и эмоциональным планами. Притом очевидно, что в живой речи чрезвычайно велика частотность подобных высказываний с оптативно-волеизъявительной значимостью; ср. хотя бы из чешского: *Kdyby zapršelol, Mělo by pršet, Kěž by nemrzlol, Mohlo by mrznout, Už by nemělo | nemuselo pršet*. Между общим модальным статусом и частными модальными планами волеизъявительности-персуазивности имеется тесное взаимодействие и отношения супплетивизма. В результате того мы уверены, что и при узком понимании синтаксической парадигмы (в смысле Н. Ю. Шведовой) тем не менее нельзя из синтаксического описания исключать и явления косвенного выражения волеизъявления, необходимости, долженствования, намерения. К тому же сравнение разных языков выявляет, что эти значения обслуживаются не только и не столько средствами лексическими, но зачастую также и грамматическими, синтактико-категориальными и морфологическими.

2. Основными грамматическими средствами, придающими отвлеченной структурной схеме предложения соответствующую общую модальную значимость при конкретной реализации, являются: глагольные модусы, интонация, частицы и словопорядок.

2.1. Глагольные модусы (наклонения) на синтаксическом уровне, как и инфинитив (= неопределенное „наклонение“), вызывают в своей

функциональной дистрибуции больше всего различий между славянскими языками. Наименее проблематичен, естественно, в этом отношении индикатив — исходный модус, лежащий в основе большинства повествовательных предложений. (В форме констатации, как известно, можно косвенным образом передать и модальность вопроса, побуждения и желания.) С дифференциальной точки зрения заслуживает внимания особенно проблема функциональной транспозиции претерита индикатива в роль десигнатора волюнтаривности в большинстве славянских языков: действие антиципируется говорящим как уже совершившееся, откуда вытекают комбинаторные значения либо побуждения, либо желая (чаще). Ср. словен. *Zivel gospod Anton!*, сербохорв. *Počivali u miru!*, мак. *Добро ми дошло*, болг. *Добре дошъл*, верх.-луж. *Bóh da!*, ниж.-луж. *Kšěł jomu Bog wšo zarownaś!* (постановка глагола, несомненно, под немецким влиянием), чешск. *Zdrávi došli!*, *Tak sedla si sem a poslouchala* (устаревший способ выражения), словацк. *Parom to bral!*, *Udusilo ho!*, белорусск. *Паішлі да камандзіра!*, *Не заўважыў, далбог*, укр. *Пішли скоріше!*, *Здоров був*, русск. *Пошел вон!*, *Ну, поехали!*

Условное наклонение (кондиционал) в принципе может выступать во всех разновидностях предложений по общей модальности. Благодаря сравнительной работе Б. Панцера все важные вопросы его функционирования в современных славянских языках уже выяснены. С дифференциальной точки зрения наибольший интерес вызывает его способность обслуживать даже без каких бы то ни было частиц область побудительно-оптативной семантики. Так обстоит дело особенно в словенском, сербохорватском, лужицком, польском и восточнославянских языках; напр. словен. *Vsaj plačal bi za liter* 'ты бы ведь заплатил за литр'; верх.-луж. *Bu ju nětko pohacać móht!*; польск. *Szlag by was trafił!*; белорусск. *Запрог бы каня!*; русск. *Вы бы отдохнули*. Особая проблематика — относящаяся, однако, скорее уже к морфологическому уровню — связана с транспозицией условного наклонения в значение обычности повторяющегося действия (ср. в сербохорв. *S vremena na vreme bi pogledao ispod oka svoga protivnika u igri* — Andrić). Наконец, внимания заслуживает положение в лужицких языках, где (видимо, под влиянием немецкого языка) может происходить нейтрализация индикатива перфекта и кондиционала, ср. верх.-луж. *Što dyrbjał z tym tež zaroběć?* 'как же ему надо было // надо было бы с этим поступить?'

Славянское языкознание до сих пор нуждается в сравнительной работе, рассматривающей проблематику функций повелительного наклонения (императива). На синтаксическом уровне целесообразно было бы признавать более широкую категорию синтаксического волюнтарива, в которую наряду с традиционным императивом (как простой, синтетической формой) входили бы также описательные формы, состоящие из частицы + морфологического индикатива или кондиционала. Тогда гораздо убедительнее и проще можно было бы определять общую схему побудительных и оптативных предложений, в противоположность повествовательным и вопросительным: побудительно-оптативная модальная значимость формально характеризуется наличием синтаксического волюнтарива. Славянский материал предоставляет многообразие этих частиц, как слагаемых данного модуса (*da, dano, daś | dasi; naj, neka, nechaj, njaxaj, xaj, njech, niech, nech; a!, a-, o-, ka-, ke-, kdy-, gdy; kěž, kiež; bodaj, bohda, bár; že; пусть, если*), причем в каждом языке имеется свой особый их ре-

пертуар, как и функционально-стилистическое взаимодействие соответственных форм между собой и с простой формой. Весьма важна дистрибуция обеих основных описательных форм, состоящих либо из индикатива, либо из кондиционала.

2.2. Что касается других различий между славянскими языками в сфере общей (объективной) модальности, то меньше всего проблем вызывают констатирующие (повествовательные) высказывания. Здесь следовало бы лишь теоретически уточнить их пределы в таких случаях, когда их коммуникативным содержанием оказывается констатация желания или побуждения, т. е. косвенный способ передачи этих модальных значимостей; так, нет пока единства мнений по поводу примеров вроде чешск. *Já bych pil!*, русск. *Ты бы мне лучше позвонил* — повествовательные или волюнтаривные высказывания?

Вопросительная модальная значимость внутренне довольно разрознена (этими проблемами в течение ряда лет занимается особенно норвежский славист П. Рестап). В принципе можно, однако, соблюдать традиционную дихотомию вопросов общих (= „замкнутых“, „да-нет-вопросов“) и частных („развернутых“). При межславянской перспективе больше всего различий связано именно с первым их классом. Основной дифференциальный признак составляет здесь преобладающая облигаторность (в польском, белорусском и украинском языках) или факультативность постановки частиц. Репертуар этих частиц предопределяется в каждом отдельном языке, главным образом, точкой зрения говорящего к предполагаемому ответу собеседника, однако есть и частицы семантически нейтральные. Всех частиц в славянских языках около 20: *ли, али, дали, нали, неужели, ужели; зар, тар, нита, да, лёс; сзу, či, ці, чи; хіба, разве, неже, наўжо*. Кроме того, известную роль во всех вопросительных высказываниях может играть еще порядок слов, лишь отчасти же глагольное наклонение, иногда в связи со вставкой модального глагола, ср. чешск. *Kdo by to asi mohl být?* Чрезвычайно интересна сфера собственно делиберативных вопросов, поскольку различия между языками здесь наиболее многочисленны и наблюдается тесная взаимосвязь синтаксического, морфологического и лексического планов: в одном языке, например, данное денотативное значение обслуживается категориальным синтаксическим средством, в другом языке — модусом, а еще в другом — лексическим средством. Ср. хотя бы русск. *Открыть мне окно?*, *Куда бы нам спрятаться?*, болг.-мак.-сербохорв. тип с частицей *да*, напр. болг. *Какво да правим?*, *Да се предаем жив?*, словен. *Naj grem?*, *Na koga naj se v bodoče opre duša?*, чешск. *Máme počkat?*, *Co bychom tu tak mohli / měli koupit?* Таким образом, лишний раз подтверждается необходимость трактовать при сравнительных исследованиях область модальности в самом широком объеме.

В побудительных и оптативных (пожелательных) высказываниях самой важной различительной чертой оказывается особенно возможность параллельного чередования простых и сложных форм синтаксического волюнтарива, ср. чешск. *Nezaspil* | *At nezaspíš!* | *Abys nezaspal!*, словен. *Vrag te vzemil* | *Naj te vrag vzame!* Многое в плане выражения побудительной модальности зависит также от характера самого побуждения — или „нейтрального“, или смягченного, или категорически резкого; формально богато дифференцирована особенно область категорического запрета. Об

использовании в некоторых языках простого кондиционала, как и о транс-позиции индикатива прошедшего времени упоминалось уже выше.

Оптимативные предложения, к сожалению, не привлекали до сих пор должного внимания синтаксистов, они в некоторых грамматиках даже не отделяются от побудительных; системных различий между славянскими языками здесь очень много. Касаются они выбора той или другой формы волюнтатива, далее возможности постановки одного простого кондиционала и, наконец, синонимичности с инфинитивными конструкциями, содержащими частицу *бы*; ср. укр. *Ах, мені б сосною стати!*, белорусск. *Даегаць бы хутчай да свайго сьла!*, русск. *Если бы всем счастливо встретиться дома!* Одно и то же желание может иногда получать даже четыре способа словесной передачи, ср. русск. *Мы бы получили такую работу!* | *Если бы мы...!* | *Нам бы получить...!* | *Если бы нам получить...!* Своеобразный семантический подтип в рамках оптимативности представляют высказывания пермиссивного характера, т. е. содержанием которых является согласие говорящего с некоторым фактом, безразличное отношение его к этому факту.

3. Частная (= факультативная, „субъективная“) модальность высказывания, как уже было сказано, распадается в два пласта: с одной стороны, это значения в пределах интенции-необходимости-возможности (краткости ради можно говорить просто о волюнтативной частной модальности), а, с другой стороны — степень достоверности сообщаемого содержания, уверенности говорящего в реальности диктального ядра предиката (персуазивная частная модальность). Доля лексических средств здесь, правда, возрастает, но тем не менее соответствующие явления заслуживают внимания синтаксистов, преимущественно компаративистов.

3.1. В волюнтативной частной модальности различительными критериями могут служить: а) наличие / отсутствие инфинитивных конструкций, б) функциональная дистрибуция лексических средств, подвергающихся, впрочем, нередко грамматикализации и функционально соотносительных с чисто грамматическими средствами выражения.

Инфинитивные конструкции — это весьма архаичный славянский прием модализации высказывания. В современных славянских языках они представлены, однако, не везде (отсутствуют они по морфологическим причинам в болгарском и македонском), занимая и неодинаковое место в системе того или другого языка. Дело зависит, главным образом, от разновидности выражаемой ими модальной семантики. Со значением реализуемости, возможности действия они встречаются в обоих лужицких языках, в чешском, словацком, польском, украинском и белорусском, а на славянском юге — в словенском; русский и сербохорватский языки их почти не знают. Репертуар глаголов здесь ограничивается несколькими лексемами, обозначающими гл. обр. смысловые восприятия. Ср. словен. *je videti, je bilo opaziti, ni bilo razločiti*, верх.-луж. *njeje pytnyć, běše widžeć, wšitko je džensa dōstać*; ниж.-луж. *jo słyšaš, njejo wižeš, něto njejo žedna* (= *wosada*) *namakaš*; белорусск. *чуваць песні, відаць былі ногі*; укр. *не чути навіть шепоту, не пізнати було*.

Другое значение инфинитивных предложений — значение необходимости, долженствования. В качестве живого, центрального системного явления подобные построения бытуют только на восточнославянской почве,

второе место по частотности занимает словенский язык, в остальных же языках они появляются лишь весьма ограниченно, а то и единично, в качестве архаизма. Показательно, что по этому пункту разнятся словацкий и чешский языки; в первом языке мы находим случаи, чуждые чешскому, ср. словацк. *Bolo (by) urobil, Bolo sa vrátiť, Bolo by im napísať, Bolo vám inakše svedčiť*. Из словенского, напомиающего отчасти восточнославянские языки, ср. примеры вроде: *Kaj mi je storiti?, Razprávljati nam je nekaj važnega, Na ta argument mi ni bilo najti hitrega odgovora*.

Господствующую роль в современных славянских языках при косвенной передаче значений волеизъявления (необходимости, возможности) играют лексические средства. К ним относятся: личные и безличные глаголы, предикативные прилагательные и предикативные наречия. При всем многообразии и поразительных параллелях можно все же установить, что некоторые языки, в общем, тяготеют к употреблению глагольных операторов (особенно западнославянские), другие же — скорее к предпочтению именных операторов (восточнославянские, отчасти и польский, ср. хотя бы частотность русск. *должен*, укр. *повинен*, белорусск. *павінен*, польск. *powinien*). Весьма интересны здесь способы выражения семантики „*musiti — müssen*“ и „*miti — sollen*“, где бросается в глаза общность этих личных глаголов в западнославянских языках вместе с украинским и белорусским, ср. укр. и белорусск. *мушу, маю*. Одной из функционально наиболее емких славянских лексем оказывается здесь оператор *treba / třeba* с соответственными звуковыми вариантами по языкам и с личными, а также безличными глагольными дериватами (*trebati, trebam, trebalo*...). На юге представлена изоглосса гибридного, „полуличного“ оборота типа болг. *Аз трябва да пиша*, мак. *Ти треба да се гордееш со него*, сербохорв. *Ta sinovića trebalo da se uda* (однако, рядом с личными оборотами вроде *Trebao sam čekati*). Из ряда дальнейших любопытных явлений хотелось бы отметить, по крайней мере, такие, каковы: замещение глагола „*могу*“ в словенском посредством наречия *lahko* (напр. *Lahko živim, kakor se mi zdi* ‘могу жить, как мне вздумается’), болг. *не бива, не биваше + да* „*nesmím*“ и нередкое использование сложного волюнтатива в делиберативных вопросах южнославянских языков, типа сербохорв. *Da vas ispratim?*, болг. *Какво да им кажа?*, мак. *Не знаеше што да чини*, словен. *Ali naj še navajam?* ‘продолжать мне еще?’.

Эти частные модальные значения нередко передаются в одновременной деагентивной деривации, с полным устранением производителя признака, и ее формальная реализация разнится от языка к языку. Наиболее показателем, пожалуй, тип с возвратной формой первично личных модальных глаголов, вроде чешск. *může se, musí se, má se, nesmí se*, представленный в большинстве языков, за исключением восточнославянских; положение вещей, следовательно, в основном такое же, что и при деагентивации полнознаменательных глаголов с помощью возвратной формы, ср. чешск. *šlo se, mluvilo se o tom*.

В исходных предложениях односоставных, т. е. без какого бы то ни было производителя признака (напр. чешск. *Prší, Už taje*), вставка модальных глаголов влечет за собой нередко сдвиг их семантики из сферы волюнтативности в сферу персуазивной частной модальности. Оно и понятно: раз нет производителя, то некому и быть субъектом волеизъявления.

Ср. такие высказывания, как-то чешск. *Zítřa už může přšet, Tam musí hodně mrznout, Nemělo by tát*, польск. *Tam musiało gdzieś uderzyć*.

3.2. Частный модальный план достоверности, уверенности говорящего в реальности содержания его сообщения еще менее грамматичен. Обслуживается он преимущественно лексическими средствами — частицами и разнообразными вводными выражениями, при наличии некоторых поразительных детальных аналогий, ср. русск. *говорят*, чешск. *prý* (< *praví*), словен. *baje*, мак. *велат, велеа* (< *велеха* 'говорили'), верх.-луж. *рјеџа*, укр. *мов / мовляв*. В большинстве языков засвидетельствовано в большей или меньшей мере использование в этой функции разного рода дериватов от модальных глаголов и прилагательных, ср. словен. *morebiti, mogoče, morda*, сербохорв. *možda, moguće*, мак. *можеби*, польск. *może*, словац. *možno*, белорусск. *моціць, мабыць*, укр. *може, мабуть*.

Грамматические средства, однако, участвуют и здесь. Достаточно указать, например, на особый способ выражения сомнений, неуверенности говорящего, в вопросах типа болг. *Да не би да си влюбена?*, *Да не си я откраднал отнякъде?*, далее на наличие особых временно-модусных форм в болгарском и македонском языках для передачи действий, не пережитых говорящим автентично (т. наз. *преизказано време*, ср. болг. *А разправяха, че и сам пишел стихове*), и особенно на возможность выражать полную уверенность в неминувости или неосуществимости будущего действия с помощью инфинитивных построений; последние характерны для всех восточнославянских языков, ср. русск. *Одному из них в пропасть лететь*, укр. *І нікому вже і нічому не зупинити їх*, белорусск. *Нікому дружбы нашай не парушыць!*

